

Основное свойство поэтического мышления Л.— неразрывность природы и истории при их четкой определенности: «Затеваются ливни и грозы, / У стены, где надрезаны лозы. / Как счастливые первые слезы, / Виноградная капает кровь» (1956). До того были стих. «Роса», «Пепел». А ранее, в 1944, Л. написал стих. «Соловьи», где «птицы в мужицких сермягах / Свищут в зеленой тюрьме». В стих. «Снова в Одессе» поэт прочувствует «молчаливые листья акаций», в марте 1953 напишет «Воробышка», где в «жалком чирикании» пташки раскроются и «свобода воли, и пахучие зори», которые вещает «в сером джемпере жгучий брюнет».

Л. мастерски владеет пластикой стиха. У него: «Над хозяйством большим экипажа / Рвется дождика тонкая пряжа»; «Словно блудные дети земли, / У причалов стоят корабли»; «К сердцу берег прижал молчаливо / Потемневшую воду залива» («В экипаже», 1941). А в целом свою творческую позицию Л. определил давно: «Равнодушие к печатным страницам / И вражда к рупорам» («На свежем корчевье», 1942).

В последние годы книги Л. выходят в свет преимущественно за рубежом. Это сб. «Воля» (Ann Arbor, 1981), содержащий стихи, которые в СССР в 1970-е было напечатать невозможно; «Кочевой огонь» (Ann Arbor, 1981), «Картины и голоса» (Лондон, 1986). В российской периодике появляются лаконичные, но содержательные подборки его стих.: «Избеги суесловия...» // Согласие. 1991. № 2; «При шуме листьев и дождя» // Новый мир. 1994. № 4; «Я люблю твой язык...» // Дружба народов. 1994. № 7; «Бег волны» // Знамя. 1994. № 10. Обратился Л. и к прозаическим жанрам. Им написана «Жизнь и судьба Василия Гроссмана»: Страницы воспоминаний (Лит. обозрение. 1988. № 6, 7). О пережитом лично и осознанном исторически в традиционной беллетристической форме рассказывается в повести Л. «Записки жильца» (Новый мир. 1992. № 9, 10) и «летописной повести» «Декада» о трагедии малочисленного кавказского народа (Дружба народов. 1989. № 5, 6).

Соч.: О богатырях, умельцах и волшебниках. М., 1963; Очевидец. 2-е изд. Элиста, 1967; Вечный день: стихотворения. М., 1975; Тетрадь бытия: стихи и переводы. Душанбе, 1977.

Лит.: Чуковский Н. Книга давних лет // Знамя. 1948. № 6; Кешоков А. Вторая жизнь поэзии // Новый мир. 1957. № 5; Приходько В. [Рец. на книгу «Очевидец». М., 1967] // Дон. 1968. № 9; Шерешевский Л. А слово есть добро // Лит. Осетия. 1977. № 49.

Г. В. Филиппов

И. Л. Лиснянская

ЛИСНЯНСКАЯ Инна Львовна [24.6.1928, Баку] — поэтесса, переводчица.

Родилась в интеллигентной, музыкально одаренной семье: мать, Раиса Сумбатовна Адамова, — инженер; отец, Лев Маркович Лиснянский, — врач. «Крещена тайно от партийных родителей бабушкой и няней», — сообщает Л. в автобиографии (Лит. обозрение. 1990. № 4. С. 30). В годы войны Л. помогает медсестрам в госпитале, поет для раненых песни. Как отмечает А. Солженицын, «Инна Лиснянская с раннего возраста была проникнута чувством сострадания, и это чувство прошло через всю ее жизнь...» (Лит. газ. 1999. 19 мая). Именно это чувство сострадания к гонимым властью людям привело Л. позднее в правозащитное диссидентское движение и определило христианский лейтмотив ее поэзии.

Стихи Л. начала писать с 13 лет. Первая публикация состоялась в 1948 в газ. «Молодежь Азербайджана». В Баку в 1958 вышел ее первый сб. стихов «Это было со мною»; тогда же она была принята в СП СССР. С 1960 живет в Москве. Здесь она училась на Высших лит. курсах при СП. В Москве выходят сб. ее стихов «Верность» (1958), «Не просто — любовь» (1963), «Из первых уст» (1966), «Виноградный свет» (1978). В 1979 Л. участвовала в создании бесцензурного альб. «Метрополь». В знак протеста

против исключения из СП молодых писателей, участвовавших в этом альм., Л. вместе со своим мужем С. Липкиным заявляют о своем выходе из СП. Они были исключены и из Литфонда. Стихи Л. надолго, до перестройки, перестали печататься в СССР, с 1980 она печатается в журналах Русского зарубежья. За рубежом выходят ее книги **«Дожди и зеркала»** (Париж, 1983), **«На опушке сна»** (Ann Arbor, 1984), к ее творчеству проявляют интерес И. Бродский и А. Солженицын. На родине Л. начинает снова и много печататься в годы горбачевской перестройки. В 1988 было восстановлено ее членство в СП СССР и в Литфонде.

Лирика Л.— это главным образом исповедь диссидентки-христианки, в которой раскрывается ее душевный и духовный мир, ее сострадательное отношение к гонимым властями людям и ее христианская стойкость и самоотверженность в условиях тоталитарного режима, ее симпатии к людям, близким ей по духу или по худож. мировосприятию суровой советской действительности. Поэтическое мировосприятие и стиль Л. строго реалистичны, но не в эпическом, некрасовско-твардовском смысле этого слова, а в лирическом, ахматовско-акмеистическом. Самым высоким поэтическим идеалом и образцом духовной стойкости в условиях тоталитарного режима для нее является А. Ахматова, к 100-летию со дня рождения которой она публикует статью **«„У шкатулки двойное дно“: Заметки о „Поэме без героя“»** (Лит. обозрение. 1989. № 5), в которой стремится постичь индивидуально-психологические и худож. тайны творчества Ахматовой.

На всю жизнь запомнились Л. слова Б. Пастернака, сказанные о ее стихах. «То ли в конце 58-го, то ли в самом начале 59-го,— вспоминала поэтесса позднее,— точно не помню, я жила в Доме творчества в Переделкине, где меня познакомили с Корнеем Ивановичем Чуковским. Ему понравились мои стихи, и он часто просил меня их читать, то гостям у себя на даче, то заходя с кем-нибудь в Дом творчества. И вот однажды он заглянул в мою комнату с необычным гостем — Пастернаком и предложил мне прочесть Борису Леонидовичу три стихотворения, которые ему, Корнею Ивановичу, особенно нравились. Я без смущения, что свойственно невежественному человеку, прочла. Пастернак своим особым голосом скорее спросил, чем сказал: „Откуда в армяно-еврейской крови, возвращенной на азербайджанской почве, такая русская музыка?“ И еще с заведомой жалостью и сочувствием посулил мне

трагическое будущее. В каких выражениях — я не запомнила. А его отзыв в виде вопроса запомнился на всю жизнь, тем более что на другой день Корней Иванович мне передал, что провожал Пастернака до дачи, и тот дорогой дважды как бы недоуменно повторил запомнившуюся мне фразу...» (Лит. обозрение. 1990. № 4. С. 32).

Пастернак проникновенно почувствовал в стихах Л. их «русскую музыку» и трагический характер этой музыки; что же касается его как бы вопроса, откуда она в армяно-еврейской крови, то ответ на него мог бы быть таким же, если бы Пастернак с аналогичным вопросом обратился к самому себе: «русская музыка» звучит в его поэзии и в поэзии др. нерусских по крови поэтов потому, что они жили жизнью России и ее народа и что духовно и эстетически они были воспитаны главным образом на русской поэзии и русской культуре в целом, а духовное родство со времен рождения христианства стало родством более значимым для роста личности, чем кровное родство, первостепенное для язычников и варваров. Трагическая, христианская по духу, «русская музыка» лирики Л. сформировалась под воздействием драматических обстоятельств советской действительности 1960–70-х, связанных с гонениями против диссидентов, и под влиянием первоклассных русских поэтов, названных самой поэтессой. «Круг моего чтения русской поэзии теперь достаточно широк и постоянен. Это: Батюшков, Баратынский, Пушкин, Тютчев, Лермонтов, Блок, Анненский, Мандельштам, Ахматова, Ходасевич, Пастернак, Цветаева, Кузмин, Есенин и Георгий Иванов» (Лит. обозрение. 1990. № 4. С. 32).

Особенно глубокое влияние на формирование христианско-трагической «русской музыки» лирики Л. оказало творчество А. Ахматовой и М. Цветаевой — поэтесс во многом противоположных по их худож. мировосприятиям и стилям. Знаменательно, что и в качестве литературоведа Л. исследует именно «русскую музыку» этих творчески близких ей поэтесс, сосредоточивая внимание на контрапунктном характере взаимодействия «музыки» Ахматовой с «музыкой» Цветаевой. Контрапунктно и воздействие двух великих предшественниц на лирику Л., «русская музыка» которой, при всей ее глубокой связи с традициями Ахматовой и Цветаевой, остается вполне самобытной и оригинальной, определяемой индивидуально-личностными особенностями ее духовно-нравственного и эстетического роста, ее внутренним противоборством с тоталитарным советским режи-

мом, стремившимся и в период своего старческого одряхления и ослабления к всяческому подавлению независимой, инакомыслящей, творческой личности. Обращаясь вслед за своими великими предшественниками к библейским мотивам или к мотиву сновидения (например, в стих. «**Разговор**» во сне ведется диалог с А. Тарковским, находящимся в раю), Л. наполняет их собственными переживаниями. По словам самой поэтессы, ее стихи. часто похожи на молитвы.

В отличие от Ахматовой, у Л. нет стремления к худож. отражению российской жизни XX в. в ее эпических проявлениях и событиях, нет потребности показать свою личную судьбу в широком контексте своей эпохи. Исторические события даются Л. преимущественно в их лирическом восприятии, какими они преломились в ее лирических переживаниях. В стих. «**Ничто не кажется мне чужим...**» она так определяет, зачем пришла в этот суровый и жестокий мир: «А я пришла сюда, чтобы понять, / Как жить и как умирать». В сущности, об этом своем понимании, «как жить и как умирать», Л. и пишет в основном в своих лирических стихах. И. Бродский 3 февр. 1983 в интервью газ. «Русская мысль» сказал: «Из того, что я читал в последние годы, стихи Лиснянской произвели на меня особое впечатление. Русский поэт, да и вообще поэт,— всегда продукт того, что написано до него, он начинает, отталкиваясь, или наоборот, по принципу эха. Единственное эхо, которое я отчетливо различаю в стихах Лиснянской,— эхо ахматовское, и слава Богу. Она совершенно замечательный лирик, особенно в коротких стихах,— это стихи чрезвычайной интенсивности. Из всех русских поэтов, которых я знаю на сегодняшний день, Лиснянская, может быть, точнее, чем кто иной, пишет о смерти,— это действительно самое прямое отношение с „предметом“, о котором она говорит. А это ведь одна из самых главных тем в литературе...» (Лит. обозрение. 1990. № 4. С. 32). И жить, и умирать надо по-христиански, считает поэтесса, быть чуткой и отзывчивой к жизни других, особенно к их страданиям («Душа моя о живых беспокоится, / И разве этого мало?»), быть духовно стойкой в жизненных испытаниях. Л. признается: «Библия для меня означает (вернее, обозначает) почти все — мысли, поступки, события, отношения с миром. Мне кажется, религиозное самосознание — это, прежде всего, совесть, и совесть болящая. А разве может быть искусство совести — без чувства вины и жажды искупления? Искусство без совести — антиискусство» (Лит. обозре-

ние. 1990. № 4. С. 34). Как у трагедийного лирика, повышенное, обостренное чувство красоты жизни у Л. возникает в напряженных, драматических ситуациях (см. стих. «**Повестка**»), в связи с чем тяжелый для нее и для др. диссидентов период брежневского застоя она воспринимает в творческом отношении как благословенный: «Несмотря на всяческие трудности, я лично этот период моей жизни считаю благословенным. Внутренне я чувствовала себя свободной, как никогда»; «Поскольку я обычно избираю стихами все тяжкое, меня посетила Муза...» (Лит. обозрение. 1990. № 4. С. 32–33). Чувство внутренней, творческой свободы и вдохновения, чувство полноты и красоты жизни рождались из напряженного духовного сопротивления тоталитарному режиму, из «поперечного» характера поэтессы.

В стих. «**На водохранилище**» (1984) Л. вопрошает бабочку, видя в ней и свою судьбу: «Ах бабочка-красавица, Павлиний Глаз! / Ах солнышко, песок, водохранилище! / Так радоваться можно лишь в последний раз, / Неужто тебе завтра на судилище? / Уже ль тебе, ликующая, невдомек, / Что каторжная жизнь или острая — / Давно удел для мыслящего поперек, / Да и в поступках ты не осторожная. / А может быть, ты дурочкой не зря слынешь, / Все блага на земле на правду выменяешь? / А ты в ответ смеешься и плывешь, плывешь, / Почти до седины на солнце вылиная. / Но знает даже бабочка Павлиний Глаз / И вся вода, хранящая насильственно, / Что так плывут не в первый, а в последний раз, / И что тебе известна эта истина».

Назначение своей лирики и всей поэзии, проникнутой христианскими мотивами, Л. видит в оказании помощи в восстановлении и становлении народного духа. Еще в годы горбачевской перестройки она говорила: «Восстановить душу живую не легче после стольких лет ее подавления, чем, может быть, одержать победу, которую мы одержали в 45-м году. И тем более не легче, чем выйти из экономического и экологического кризиса. Для этого необходимо время активного терпения и милосердия друг к другу, но и неуступчивости тем реакционным силам, которые норовят жизнь повернуть вспять» (Лит. обозрение. 1990. № 4. С. 34).

Соч.: Стихи // Метрополь: альм. Ann Arbor, 1979; Стихи // Континент. Париж. 1980. № 23, 26; 1982. № 31, 34; 1983. № 38; Дожди и зеркала. Париж, 1983; На опушке сна. Ann Arbor. 1984; Постскриптумы. Послание Б. Я. Б. // Дружба народов. 1990. № 1; Воз-

душный пласт. М., 1990; Инна Лиснянская — Елена Степанян. О Жизни и о Книге // Лит. обозрение. 1990. № 4; Ступени: Находка отдыхающего: поэма. М., 1990; Стихотворения. М., 1991; Музыка «Поэмы без героя» Анны Ахматовой. М., 1991; После всего / вступ. заметка А. Солженицына. СПб., 1994; Мне достаточно свободы внутренней...: Поэтесса Инна Лиснянская в беседе с обозревателем «ЛГ» С. Тарошиной // Лит. газ. 1994. 6 апр.; Одинокий дар. Париж; М.; Нью-Йорк, 1995; Шкатулка с тройным дном: [Об А. Ахматовой]. Калининград, 1995; Из первых уст. Париж; М.; Нью-Йорк, 1996; Из первых уст: Стихотворения. 1996; Из первых уст // Вопросы лит. 1997. № 6; Ветер покоя. СПб., 1998; Роскошь простоты: [Речь при получении литературной премии А. И. Солженицына] // Лит. газ. 1999 19 мая. С. 10; Инна Лиснянская: Не бейте поэта его же строкой: [Беседа с Татьяной Вайзер] // Лит. газ. 2000. 12–18 апр.; Избранное. Ростов н/Д., 1999; Музыка и берег: Книга новых стихотворений. СПб.; М., 2000.

Лит.: Дымшиц А. Взыскательность // Знамя. 1963. № 7; Костров В. Не просто любви [Рец.] // Комсомольская правда. 1963. 16 окт.; Шехтер М. Неутолимый голод слова // Лит. Россия. 1963. 30 авг.; Белая Л. Слово об Арктике // Московский комсомолец. 1963. 11 сент.; Сапгир К. Створки зеркала // Русская мысль. Париж, 1983. 10 нояб.; Радашкевич А. Опушка с прямыми углами // Там же. 1985. 5 июля; Пикач А. Размышления у черной лестницы // Лит. газ. 1989. 31 мая; Кублановский Ю. За целебным ядом слова...: Читая Инну Лиснянскую // Лит. газ. 1990. 12 сент.; Бек Т. Моя жестокая эпоха // Книжное обозрение. 1991. № 3; Владимирова Е. Дары Евтерпы // Знамя. 1995. № 11; Бек Т. А мне одинокой достался дар: Парадоксы Инны Лиснянской // Лит. газ. 1997. 26 марта; Рейн Е. Путь поэта // Независимая газ. 1997. 22 мая; Рассадин Ст. Трагически спокойный мир: Поэзия Инны Лиснянской // Лит. газ. 1999. 17 марта. С. 10; Солженицын А. Она никогда не угождала эпохе // Лит. газ. 1999. 19 мая.; Мошченко Вл. А все-таки жизнь всех жалоб умней [Лиснянская И. Музыка и берег. СПб.; М., 2000] // Лит. газ. 2000. 9–15 авг.

М. Ф. Пьяных

ЛИХАНОВ Альберт Анатольевич [13.9.1935, Киров] — прозаик, публицист.

Отец, Анатолий Николаевич, рабочий, во время войны ушел на фронт добровольцем. Мать, Милица Алексеевна, — медицинский работник. Детство Л. пришлось на трудные военные годы, оставившие неизгладимый след в памяти писателя. Вспоминая то время, Л. сказал: «Эти четыре года — от шести до десяти, видно, уж так было угодно судьбе — ведут меня через всю остальную жизнь». (Лиханов А. Кричал и буду кричать! [интервью главному редактору ж. Игорю Нагаеву] // Детская лит-ра. 2000. № 5–6. С. 81). После окончания школы Л. учился на отделении журналистики Уральского гос. ун-та (1953–

58), затем работал литсотрудником в областной газ. «Кировская правда», главным редактором молодежной кировской газ. «Комсомольское племя».

В начале 1960-х дебютировал как писатель. Первое произведение в центральной печати — рассказ «**Шагреновая кожа**» (Юность. 1962. № 10). Критика одобрила необычность сюжета, «точно подмеченного» автором в жизни ребят из бригады коммунистического труда. Следующая по времени публикация — историческая повесть «**Да будет солнце!**» (Киров, 1963) стала итогом многолетних размышлений и творческих поисков, связанных с судьбой опального польского художника Андриолли, создавшего портрет прабабки Л. во время ссылки в Вятку. Эти произведения, написанные «без определенного адреса», стали «визитной карточкой» писателя на IV Всесоюзном совещании молодых писателей (весной 1963), где, по признанию Л., для него «было полной неожиданностью, поначалу даже несколько обидной, оказаться вдруг в списке начинающих авторов книг для детей» (Мотяшов И. П.— С. 19).

Начиная со второй половины 1960-х появляются знаковые произведения Л. «**Звезды в сентябре**» (впервые опублик. в 1966 в ж. «Пионер» под названием «**Звезда упала в лесу**»), «**Чистые камушки**» (1967), «**Теплый дождь**» (1968) и др., где автор обращается к проблеме, ставшей впоследствии главной в его творчестве, — становление подрастающего поколения. В этих и написанных позже повестях («**Магазин ненаглядных пособий**», 1983; «**Последние холода**», 1984; «**Детская библиотека**», 1985) сказались и др. существенная особенность творчества писателя — непреходящий интерес к теме Великой Отечественной войны. «Ведь все дело в том, что, рассказывая о войне, литература рассказывает не только о войне. Она учит жить. Учит любые поколения» (**Конспект судьбы**. М., 1976. С. 55).

С ощущения личного и общего горя начинается рост самосознания маленького Леки («Звезды в сентябре»), понимание не только себя, но и окружающего мира Алеши («Теплый дождь»), активное противостояние обстоятельствам Михаськи («Чистые камушки») и Коли («**Крутые горы**», «**Музыка**», «**Деревянные кони**» — все 1971).

В повестях 1970-х «**Лабиринт**» (1970) и «**Обман**» (1973), объединенных автором наряду с «Чистыми камушками» в трилогию «**Семейные обстоятельства**» (1974), связь времен и связь поколений, далеко выходя за пределы военной проблематики, утверждает-